

несогласіе между законодательствами относительно опредѣленій этого преступленія, изъ которыхъ почти ни одно не представляется вполне удовлетворительнымъ. Общее опредѣленіе, какъ въ код. бразильскомъ, кант. Швыцъ и Солотурнъ, общегерманскомъ и баварскомъ, не отличаетъ этого преступленія отъ гражданской неправды. Попытка французскаго, португальскаго, испанскаго, неаполитанскаго и тосканскаго кодексовъ исчислить всѣ случаи мошенничества неудачна въ томъ отношеніи, что нѣкоторые виды онаго остаются безнаказанными. Тоже самое слѣдуетъ сказать о стремленіи англійскаго и англо-американскаго законодательствъ специализировать разные виды мошенничества (*false personation, false pretense, false token ring-dropping* и т. п.). Неудобства эти устраняютъ отчасти уложеніе о нак., код. австрійскій, саксонскій, гессенскій, бельгійскій, любекскій, и кантоновъ Цюрихъ, Глярусъ и Унтервальденъ, которые, избирая средній путь, кромѣ общаго опредѣленія мошенничества, указываютъ болѣе тяжкіе его случаи.

§ 218.

Задача науки состоитъ въ указаніи различія мошенничества отъ гражданской неправды и отъ родственныхъ ему преступленій. Проведеніе грани между мошенничествомъ и родственными ему преступленіями (что австрійскій кодексъ совершенно упустилъ изъ виду, смѣшавъ въ §§ 199 и 201 мошенничество съ лжеприсягою, подлогомъ ¹⁾, не-

¹⁾ Ганноверъ, Глярусъ, Швыцъ и Унтервальденъ считаютъ подлогъ квалифицированнымъ мошенничествомъ, когда онъ касается частнаго документа; подлогъ же официальныхъ актовъ признаютъ нарушеніемъ общественнаго довѣрія. К а р р а р а (*Esposizione dei del.*, IV, 545) находитъ такой взглядъ правильнымъ.